

На первый взгляд, это кажется простым делом подтянуть один канат, опустить другой. Но только такой опытный рабочий сцены, как Борис Шкунов, может быстро и четко раздобыться прямо-таки в тропических переплетенных лианах (снимок слева).
Через несколько минут начнется спектакль. Заведующий гримерным цехом Ефим Леонидович Карпавский и художник-гример Анна Балашова последний раз приводят в порядок парики (снимок справа).
Фото В. ИВАНОВА.

Мастера театральных чудес

Был членом, стал... мальчишкой. Обзавелся уминой книжкой. Это очень хорошо. Даже очень хорошо... Деревянный человечек в зеленых штанишках и розовой курточке весело раскачивается на сцене Центрального детского театра, напевая песенку. Сотни широко раскрытых ребячьих глаз следят за удивительными приключениями Буратино — мальчика с длинным-длинным задорным носом.

Но задумывались ли маленькие зрители над тем, кто смастерил для Буратино этот нос, кто спил ему яркий, удобный юсточник, кто сделал очаг в доме папы Карло?

ЭТА КОМНАТА напоминает обыкновенную парикмахерскую. Перед зеркалами за лебедушками столиками, где разложены щипцы для завивки волос, расчески, вощилы, шпильки, склонились девушки в белых халатах. Мы — в гримерной. Тамара Кузовкова открывает стальные шкафы. Чего только там нет! В огромном металлическом чане разместились всевозможные гримировальные краски, а в многочисленных коробочках — и от тульских пряников, и от розовой пасты, и даже от любительских папирос в строгом порядке хранятся «орудия производства» — бороды, усы, лак для ногтей, пудра, вазелин.

— Самое напряженное время у нас — за три-четыре часа до начала спектакля, — говорит Тамара. — Парики надо вынуть, расчесать, завить... Особенно много хлопот доставляет спектакль «Борис Годунов». В нем «оватов» 154 парика и примерно столько же бород! Не так просто вовремя приготовить их все к началу!

Тамара спешит — в ее руках огромная огненно-рыжая борода Карабаса-Барабаса. Недавно бороду подрезали, а пальцы для нее доста-

лали трех метров — то-то мучились и Тамара, и актер Евгений Перов...

Платя, пальто, костюмы... Сколько же их — сто, двести? Нет, больше тысячи. Платя-«татьянки», которые носили еще во времена Татьяны Лариной, модный фрак с бабочкой, расшитое дорогим узором длинное и тяжелое боярское платье... И над всем этим властвует Лидия Федоровна Водопьянова, заведующая костюмерным цехом.

— Начало сезона — самое напряженное время для театральных портных, — говорит Лидия Федоровна. — После отпуска актеры возвращаются — кто полуживым, кто поправившимся. Они отдыхали, а нам работа — перешивать платья.

ПОКА в гримерном и костюмерном цехах идут последние приготовления к спектаклю, на сцене повсюду кипит работа.

У главного машиниста Григория Петровича Ферапонтова нет ни минуты свободного времени. Он проверяет, правильно ли устанавливаются декорации с лаковыми надписями на задних стенах — «1 акт. Правая сторона», «3 картина. Низ».

Быстро проносит шелестящее листьями дерево Волода Тимофеев. Он пришел в театр три года назад, а сейчас уже один из опытных рабочих сцены.

— Тяжелее всего в антракте, — рассказывает Волода, — за 10—12 минут надо разобрать декорацию предыдущего действия, убрать ее, привести в поставку новую.

А наверху, на высоте десяти метров от сцены, царство «дяди Володи» — старейшего работника театра Владимира Егоровича Бобюва. Отсюда на специальных тросах пятаяетка опускается верхняя декорация — потолок, крыша дома, озаро... Владимиру Егоровичу помогает Борис Шкунов, член комитета ВЛКСМ. Далеко ответственное: ведь спустить декорацию надо в точно определенное время — ни минуты раньше, ни минуты позже.

И ДАЖЕ МЕНЬШЕ хлопот — и медленно, словно нехотя, сползают вниз огромные софиты. Заведующий электроцехом Валентин Дедюхин и регулировщик Анатолий Селезнев в последний раз тщательно проверяют, как заряжены фонари.

Анатолий Селезнев открывает дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». Мы попадаем в маленькую комнатушку, напоминающую суфлерскую будку. Отсюда через небольшую щель, выходящую прямо на сцену, регулировщик следит за действием, слышит все реплики артистов. В нужную минуту он поворачивает ту или иную ручку, на назначение которой указывают таблички — «кран. на красная», «софит белый», «кулисы правая». И в определенном месте сцены вспыхивает свет.

Быстро-быстро забежали по рычагам пальцы. Один рычаг надо выключить, другой повернуть, третий опустить... Руки Селезнева напоминают руки пианиста. Да, мы здесь дышим — надо уходить...

НО, ПОЖАЛУЙ, самая ответственная работа у помощника режиссера, ведущего спектакля. Перед Арнольдом Самойловичем Арнольдкам — тулут управление, с помощью которого он связан со всеми уголками театра. У помощника режиссера — сотни обязанностей: открыть и закрыть занавес, повернуть сцену, вызвать артиста, следить, чтобы они вовремя вышли на сцену.

Арнольд Самойлович дает один звонок, второй, третий, потом наклоняется к пульта и нажимает кнопку. Тотчас же на сцене вспыхивает плафон с цифрой «18». Это артистические уборные. Микрофон разносит слова помощника режиссера: «Три звонка. Прощу к началу».

На сцене одни артисты сменяют других, участники спектакля отдыхают — кто во время действия, кто в антракте, а ведущий всегда начеку. То и дело слышится его негромкий, спокойный голос:

— Приготовьтесь для замены круга!
— Тапите дерево!
— Не берите куклу за нос — отвалится!

А в последний раз раскрывался и закрылся занавес, опустел зрительный зал, а за кулисами все еще кипит работа. Гримеры помогают актерам снять парики, костюмеры — развесить по местам платья, убирают свой реквизит буфетора.

Если вы ушли из театра в хорошем настроении, знайте: в этом заслуга не только актеров, но и всех тех, кто невдомга для вас, за кулисами, создавал спектакль.

Е. МУШКИНА.

Журный технический секретарь: К 5-52-00 в доб. по ком. 3-27. За м. 3-13-45 в доб. по комм. 5-44: 2-30. Отдел рабочих молодежи: В 3-43-19 в доб. по комм. 6-18: 8-96. Шахматный отдел: доб. до вечера: доб. по комм. 4-25: 8-82. Телефонограммы: В 3-62-19 в доб. по комм. 4-25: 8-82.

Типография изд-ва «Московская правда». Поталовский пер., д. 8.

МОСКОВСКИЙ «ТЕХНОМОДЕЛЬ»

г. Москва

13 ДЕК 1959